

Директор, которому никто не верит

Разговор об интригах, слухах и новой модели театра

Илья КОГАН — многолетний директор Театра на Малой Бронной, одна из легенд московской сцены. Он ее черная легенда: его обвиняли в изгнании из театра Эфроса, а позже — Женовача... Бронная начала новый сезон, и это послужило поводом для нашего разговора. Внутренняя причина была иной — хотелось выслушать его версию историй, связанных с театром.

Алексей ФИЛИППОВ

— После ухода Женовача я был прилежным зрителем вагего театра, и мне казалась, что у вас, человека, который определяет его лицо, есть своя программа. Я очень нежно отношусь к Женовачу, но при нем зал пустовал, а вы пытались вернуть зрителя в театр. Но это уже был другой зритель, спектакли он смотрел не так, как публика Эфроса и Женовача... Эстетические издержки очень велики.

— Я читаю то, что пишут о нашем театре: Малая Бронная превратилась в изгой. И премьеры наши, оказываясь, издают запах антрепризной халтуры — да я ее, эту халтуру, сам ненавижу! Вот мы начали сезон — и опять полный зал. И сделано это руками старой труппы, которая при Женоваче чувствовала себя униженной и оскорбленной. Мы не выпустили ни одного спектакля, который шокировал бы дешевой. В прошлом сезоне ставили Стриндберга, Саган, Кристофера Марло... Сейчас будем работать над инсценировкой романа Владимира Набокова «Королева, дама, вальс»... Можно, конечно, говорить о качестве — серьезной режиссуры нам не хватает... А где она, где?

— Сергей Женовач был очень серьезным режиссером.

— Я сам его пригласил в театр. У меня глаза заблестели — боже, это почти то же самое, что было с Анатолием Эфросом, он ведь тоже пришел на Бронную со своими актерами! А вдруг история повторится? Сережа ставил что хотел и с кем хотел — на своих условиях. И замкнулся в своих людях, которые очень хороши. Мы рассчитывали, что в коллектив вольется новая кровь! Все вышло наоборот — отношения в коллективе испортились. Я просил Женовача обратиться на это внимание, но все продолжалось по-прежнему: у него в кабинете бывали только свои, приходили, пили чай — на остальных это действовало ужасно. Потом Сережа сказал, что хочет попробовать себя в качестве главного режиссера. Было ясно, что сплотить коллектив он не сможет, и у нас произошел серьезный разговор. Мы заключили контракт на год, но скоро стало понятно, что перемен нет. И я предложил Сереже остаться очередным, а он подал заявление об уходе. Театральная Москва заговорила о том, что на Бронной убивают Женовача. Тогда я предложил продлить контракт еще на год — но он снова отказался. Следом подала заявления половина его артистов — другая половина работает у нас до сих пор.

Дебаты на Бронной (из премьер 1999 года)

— Но есть еще одно обстоятельство: после ухода Эфроса на Бронной начался спад, и сейчас она оказалась на обочине (как и добрая половина московских театров). Впрочем, вы это и сами знаете...

— Знаю. На совещании по итогам года одна известная критикесса с трибуны назвала меня убийцей.

— На поздние спектакли Эфроса публика тоже не сильно ходила.

— Тут противостояния не было. Было странное поведение Анатолия Васильевича по отношению к театру, который хотел с ним работать. Он не должен был уходить, не должен был соглашаться на приглашение горкома партии — тех, кто его гноил, кто написал на его личном деле: «Впредь главным режиссером не назначать». После неудач с последними спектаклями он озлился на всех — из-за того, что у него что-то не вышло, а кто-то вел себя неправильно... В Вильнюсе построили новый театр и хотели, чтоб он открылся нашими спектаклями. И перед самым началом гастролей в одной из литовских газет выходит интервью Эфроса — он поносит театр и называет труппу расстроеной балалайкой. Это только один из многих примеров. А противостояния не было.

— В конфликте между Эфросом и его учениками интересы последних представляли вы. Не сомневайтесь, что работать с вами замечательно, актеры вас любят. Как директор вы, наверное, идеальны — можете обеспечить квартиру, награду, комфортные условия работы. Но в нашем театре на протяжении десятилетия директор был тенью главного режиссера...

— А знаменитый директор Центрального детского театра Константин Шах-Азизов, правивший им железной рукой? А генеральные интенданты немецких театров, где не существует художественных руководителей и главных режиссеров?

— Директор должен брать сильных режиссеров. Сильный режиссер почти всегда сильный человек. Нужен ли вам второй сильный человек в театре?

— А могут ли Гончаров и Плутчек за столько лет вырастить себе замену?

— Не могут, потому что для главного режиссера прогнилоестественно воспитывать себе конкурента — здесь включаются какие-то подсознательные механизмы. Но и Гончаров, и Плутчек сами держат свои театры — до недавнего времени они ставили интересные спектакли. Директор этого делать не может.

— Во главе театра должна стоять личность — главный режиссер, директор, писатель, журналист. Пусть он разбирается в творчестве, экономике, кадровом деле. Для того чтобы руководить театром, надо знать очень многое.

— Но у нас, так сложилось, существует другая театральная модель, и она худо-бедно работает.

— Я не против того, чтобы во главе театра стоял режиссер — но назовите мне тех, кто мог бы взять Бронную? Я звал Леонида Хейфеца, Бориса Морозова, коскаких питерских людей... Звал Женовача, который начал делать элитарный театр: «Людей в зале нет, но я не для людей работаю».

— Если бы вы нашли сильного человека, который начал бы жестко переделывать Бронную, привел бы своих людей, почистил верную вам труппу, то вы первый стали бы на его пути стеной...

— Это не так — я готов к жестким поворотам. Но человек должен доказать, что у него есть право на такие поступки, он должен понять наш театр и внятно изложить, что он хочет с ним делать.

— Есть на вашей сцене постановки, которые вы хотели бы переписать?

— Если быть абсолютно честным, то таких постановок много.